

Наталья Леонтьева

О ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ: (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ) (1905)

*Впервые опубликовано в: Образование. 1905. № 11–12.
С. 111–141.*

Что ни говорят, а чтение — могучее орудие, часто перерабатывающее по-своему юную человеческую душу. Посмотрите, что делают топор и соха с матерью-землей: недавно еще здесь шумел дремучий лес, а вот прошла эти два чародея, и вместо дикой зеленой чащи колыхается желтеющая нива. Так бывает и с душой человека: сначала все в ней было нетронутым и пустынно, но стоило раздаться могучему слову, облечься в яркую живую форму, и на месте глухой заросли поднялись пышные колосья, сулящие богатый урожай. Нам возражают, пожалуй, что мы слишком розово смотрим на влияние чтения; поэтому оговоримся и прибавим, что это влияние, конечно, всегда существующее (это положение непреложно), не всегда бывает одинаково, как не одинакова человеческая натура — на нее действует все окружающее: и жизнь, и школа, и книга, но один из факторов преобладает в зависимости от индивидуальных свойств человека; желательным бы, конечно, чтоб школа и чтение действовали дружно, рука об руку; их вражда так же ненормальна, как вражда двух родных сестер.

Насколько сильно влияние чтения, показывает тот факт, что взрослый человек вспоминает с благодарностью первую книгу, произведшую на него впечатление, прочитанную им с захватывающим интересом. Белинский справедливо сказал, что человек всю жизнь помнит тот вздор, который он читал в детстве, и который тогда ему нравился. Такая книга служит для него своего рода Америкой: она открывает ему новый мир. Эта почетная роль далеко не всегда принадлежит первой книге после азбуки, может быть, потому, что, овладев процессом чтения, ребенок все же некоторое время читает еще, как Петрушка; он слишком мал, чтоб справиться с тем, что дает ему самостоятельное чтение, работа чересчур отвлеченная для его юного ума, хотя та же книга, прочитанная вслух другим лицом,

может быть, и покажется ему интересной; в таком случае, и голос читающего, и его интонация, а также, пожалуй, и попутные объяснения послужат как бы переводом книги с чуждого пока ребенку языка. Если же книга и при самостоятельном чтении произвела на него впечатление, значит она попала в тот благоприятный момент, когда молодой ум уже был готов к ее восприятию в целом; раньше он еще кое-как охватывали там и сям те или другие эпизоды, как это делает и взрослый, но неразвитый человек. Впрочем, эта предварительная работа не пропала даром: она привела к синтезу. Помимо благоприятного момента здесь необходимо, чтоб данная книга отвечала на запросы, уже шевелящиеся в душевном складе ребенка.

Я имела возможность наблюдать, как в одной семье развивался постепенно среди детей интерес к чтению. Первой интересной книгой для 7-летней девочки явилась старинная чувствительная повесть «Лея на необитаемом острове», дававшая полную возможность и поплакать, и помечтать, а ее брат, будущий военный, только тогда принялся читать, когда ему, уже 13-летнему мальчику, среди массы других книг, постоянно покупавшихся родителями, попала под руку история Наполеона I с прекрасными гравюрами, изображавшими бесчисленные наполеоновские битвы. (Нет сомнения, что и иллюстрации играют важную роль в пробуждении интереса к чтению).

Вспомним С. Аксакова. Первая книга, которую он прочел после азбуки, была пресловутое «Зеркало добродетели», но ее нравоучительные рассказы в духе искусственного дидактизма XVIII в. не произвели на него сильного впечатления, хотя он *faute de mieux* и перечел их несколько раз. Зато в какой восторг пришел он от Новиковского «Детского Чтения», разъяснившего ему явления природы, той природы, которая была всегда страстью Аксакова, почему он, уже старик, с любовью вспоминал о роскошных берегах Бугуруслана, обросших зелеными кустами, о многочисленных реках и речках, где когда-то он ловил рыбу, о чащах, где он охотился. Когда он причел эти книги «Детского чтения», подаренные ему добрым соседом, перед ним, как он говорит, «открылся новый мир».

Первая книга, давшая толчок душевным силам ребенка, может сыграть роль и в его последующей жизни. Первые печатные сочинения, с которыми познакомился Ломоносов, были грамматика Мелетия Смотрицкого, арифметика Магницкого и псалтырь Симеона Полоцкого. Не определили ли они отчасти его будущей деятельности? Грамматика, физика, как наука математическая, вос-

певание Бога и природы — вот в чем выразилась главная работа «этого первого русского университета».

Кто знает, сделался ли бы Кольцов поэтом, если б ему не попались под руку случайно стихотворения Дмитриева, бывшие для него как бы откровением. В подражание им он написал свое первое стихотворение «Три видения»; оно было неуклюже, бесформенно, но это была первая попытка творчества, первый лепет только что раскрывшейся поэтической души, и с тех пор поэт-самоучка уже видел свою дорогу.

Алексей Толстой говорил, что на шестом году жизни на него произвели сильное впечатление стихотворения одного из поэтов, и с тех пор он полюбил поэзию.

По словам Шелгунова, важную роль в его жизни сыграла Библия: «Мало того, что я над ней плакал, я не мог читать ее без особого торжественного трепета; я проникался при ее чтении ощущением именно того же чувства свободы, независимости, чего-то такого хорошего, легкого, что делало меня совсем счастливым». Как известно, вся жизнь и деятельность Шелгунова были проникнуты этим благородным стремлением к свободе. Крайняя сентиментальность Руссо и его пылкое воображение объясняются, быть может, не только его происхождением от отца-фантазера, но и теми многочисленными романами, которыми он зачитывался вместе с отцом, проводя иногда за таким чтением целые ночи. Гейне в детстве, по его рассказу, сильно увлекался «Дон Кихотом»: он не смеялся над ним — нет, — он плакал над участью благородного, непрактичного мечтателя, он всей душой сочувствовал ему и, может быть, уже тогда решил быть «рыцарем духа», поняв духовную красоту Дон-Кихота.

Но если книги так действуют на ребенка, то велико ли их действие на взрослого человека, или оно прекращается с выходом из детского возраста, переходя в чисто внешнее влияние, т. е. давая начитанность, привычку к правильной речи, но не касаясь ни ума, ни характера. Это было бы грустно, но, к счастью, дело обстоит иначе. В замечательных лекциях по русской истории проф. Ключевского имеется интересный рассказ о ярославском помещике Опочинине, лишившем себя жизни в припадке *taedium vitae*, так же знакомой многим образованным людям XVIII в., как и лучшим римлянам времен империи. Впрочем, и обстоятельства здесь были те же: тяжелые социальные условия, отсутствие разумной и плодотворной деятельности. Распределяя свое имущество, бедный Опочинин с горечью говорит в завещании, что книг ему

некому оставить, а между тем только они и освещали отрадным светом его серенькую жизнь. «Любезные мои книги!» восклицает он: «не знаю, кому завещать их. Они были первое мое сокровище, они только и питали меня в моей жизни; если бы не было их, то моя жизнь шла бы в непрерывном огорчении, и я давно бы с презрением оставил сей свет!» Очевидно, книги сыграли большую роль в жизни этого их владельца, а насколько благотворно было их влияние, видно из того, что он завещал раздать барский хлеб крестьянам и отпустил на волю своих дворовых; если же он не освободил других своих крепостных, так потому, что в то время пышного расцвета крепостного права такое освобождение было обставлено большими затруднениями во избежание лишнего волнения умов. Прямой потомок несчастного самоубийцы Опочинина, Евгений Онегин, тоже много читал, но мы позволим себе не согласиться с Пушкиным, что он читал «без толку»: если «ярмо он барщины старинной оброком легким заменил», то этим решением, конечно, был обязан тем книгам, которые он по прочтении «задернул траурной тафтой»; они научили его тому «как государство богатеет», убедили в важности свободного труда.

Великий Гёте рельефно рисует нам влияние чтения на взрослого юношу, Вильгельма Мейстера. Когда он прочел Шекспира, в нем точно произошел важный переворот; знакомство с «Гамлетом» открыло ему новые горизонты, вконец изменило его взгляды на драму и драматическое искусство, а, что еще важнее, дало ему также глубже заглянуть в человеческую душу. Можно возразить, пожалуй, что иногда влияние чтения остается чисто платоническим, и не всегда вычитанные идеи осуществляются в действительности читателями. Наши предки, читая Вольтера и Дидро, отсылали тем не менее дворовых на конюшню для домашнего исправления. «Упражня голову помещика», говорит проф. Ключевский, «смягчая ощущения, книги для него служили нервным моционом и не улучшали существующего порядка». «Однако» продолжает почтенный историк: «поколение вольтерьянцев не было совсем бесплодным явлением в нашей истории. Само оно не сделало употребления из своих идей, но оно послужило важным передаточным пунктом; не применяя к делу своего умственного запаса, поколение это сберегло его до поры до времени и передало следующему поколению, которое сделало из него более серьезное употребление».

Итак, если чтение служит могучим орудием в процессе умственного и нравственного развития, то надо научить детей управлять им, добиться, чтоб чтение приносило им возможно большую пользу,

а не было только «нервным моционом». Известны слова знаменитого педагога, который на вопрос одной матери, когда ей надо начинать воспитание своей 2-летней девочки, ответил: «Если вы еще не начали, то вы уже потеряли два года времени». Подобно этому педагогу, мы скажем, что надо заботиться о внеклассном чтении детей с того самого момента, когда они научатся читать. Существует мнение, что не следует приучать детей к чтению слишком рано; если они сами не хотят пока братья за книгу, то пусть только бегают и играют, а влечение к книжкам придет само собой. С этим взглядом нельзя согласиться: ведь это все равно, что детей, не заговаривающих об учении, не сажать за книгу, пока они этого не захотят сами. А что, если такое желание у них совсем и не явится? Ведь есть дети ленивые вследствие малокровия и связанной с ним апатии. Неужели оставлять их в состоянии круглого невежества только потому, что у них нет *силы желать* собственного просвещения. Нечего сказать, поблагодарят они своих родителей, когда, выросши, увидят себя круглыми невеждами в кругу образованных сверстников. То же самое бывает и с чтением. Некоторым детям, ленивым по натуре, нужно втянуться в него с чужой помощью. Если ребенок лет до 12 ничего не читает, кроме учебников, необходимо исподволь приучать его к книге, выливая его медленно и осторожно от очевидно владеющей им умственной лени. Можно проделывать это сначала с помощью чтения вслух: редкие дети, как бы ленивы и вялы они ни были, не любят слушать чужого чтения, если читается, конечно, что-нибудь хоть мало-мальски интересное. Такое чтение книги взрослыми вслух может на первых порах чередоваться с самостоятельным чтением ребенка, а позже, когда интерес возбужден, и мозг несколько проснулся, ребенок и без постороннего побуждения сам примется за книгу. Таким детям со слабо развивающимся мышлением даются сперва короткие рассказы — сложного содержания они не охватят, но шаг за шагом дозы чтения должны расширяться. Такая своеобразная умственная гимнастика в особенности применима к детям из семей неинтеллигентных или полуинтеллигентных; в последних родители хотя и хранят в своих шкафах дипломы об окончании курса, но, ограничившись одной учебой, не пошли дальше, книга для них не стала потребностью, и без духовного хлеба они существуют довольно благополучно; сочинения классиков, облеченные в красивые переплеты, служат для них только необходимой кабинетной принадлежностью, как письменный стол, бронзовый прибор на нем и т. д. Если в силу наследственности и дети у них явятся с рыхлыми,

лишенными пытливыми мозгами, то здесь и понадобится своего рода умственное тренирование. В домах интеллигентных это едва ли потребуется: там ребенок с самого раннего возраста окружен благотворной умственной атмосферой, и руки его сами тянутся к книгам.

Нам скажут, что такой режим носит искусственный характер: оставьте ребенка, подверженного умственной лени, на некоторое время в покое, и ум его заснет опять. Это не так. Представьте себе, что вы крепко заснули, вас будят долго, вставать вам не хочется, но вот вы встали, правда, разбуженный другими, в окно светит майское солнце, в саду приветливо чирикают птицы. Вы рады, что встали, вы благодарны тому, кто вас разбудил, и сон в темной, душной комнате вам более не кажется привлекательным. А не разбуди вас вовремя, и вы бы долго провалялись в постели, встали бы с больной головой и весь день хмуро бы глядели на свет Божий. Такой важный двигатель, как чтение, нельзя забрасывать и оставлять в небрежении, он требует ухода, и уход этот приносит прекрасные плоды. Бывали примеры, что дети, выросшие в самой антиинтеллигентной обстановке, втягивались в чтение, благодаря умелому руководству воспитателей, хотя раньше и не выказывали никакой склонности к книге.

Желательно, чтоб книга стала насущной потребностью воспитываемого, и стремление к ней вошло у него в плоть и кровь. Мало толку, если он лишь примкнет к числу «случайных читателей», которые берутся за книгу только потому, что в данную минуту нет под рукой другого, более интересного, развлечения. «Нет ли у вас чего-нибудь почитать?» иногда говорят они, зевая: «такая тоска — придется вечером сидеть дома». В подобных случаях выбор чтения почти не играет никакой роли — лишь бы убить скучные часы, свободные по странной случайности от винта или танцев. При этом мне вспоминается знакомая дама, ежегодно просившая меня приготовить ей интересную книжечку «для первой недели поста», когда и театры закрыты, и в гости ходить не принято. В другое время года дама забывала о существовании печатного слова.

Мы установили, что вмешательство взрослых иногда необходимо, чтоб осторожно пробудить и развить в детях любовь к чтению, но оно требуется и для руководства самим выбором чтения. Тут невольно возникает вопрос: необходим ли пуризм при этом выборе, или же дети могут читать решительно все? В доказательство последнего положения приводят многих знаменитых людей, читавших в детстве все без разбора и зато рано обогативших свой ум разнообразными сведениями. Мне кажется, этот вопрос настолько

важен, что нельзя решать его категорически в ту или другую сторону, а надо (как и бывает всего чаще в практической педагогике) действовать сообразно с индивидуальностью ребенка; в этом нас убедили наши многолетние наблюдения над детьми. Есть натуры, настолько благодарные, настолько чистые, что им ничто не повредить; из самой скверной книжонки они почерпнут лишь ту крупицу хорошего, которая в нее попала, может быть, случайно, помимо воли автора. Другие, наоборот, и из хорошей книжки сумеют выудить только дурное. Один из известных, уже умерших педагогов утверждал, что даже чтение пресловутых исторических романов Дюма-отца, может быть полезно, т.к. оно служит первой стадией для развития любви к истории; неверное освещение лиц и событий здесь еще не вредит, а важно именно пробуждение вкуса к этой науке. Благодаря и такому чтению, все эти Генрихи и Людовики, имена которых ничего не говорят им на страницах Иловайского, сделаются живыми лицами для молодого читателя, а это именно и нужно. Покойный педагог, в общем, был прав, но есть дети, которые не так скоро прогрессируют в чтении, как их более талантливые собратья; для них, пожалуй, Дюма скорее вреден: они остановятся на нем и не дойдут дальше, требуя от каждой книги такой же занимательности, какой отличаются, по их мнению, «Граф Монте-Кристо» или «Три мушкетера». Для них необходимо иное, более здоровое начало, т.к. они заинтересуются не историческими личностями, а самой интригой.

Известны многочисленные случаи бегства гимназистов в Америку под влиянием романов Майн Рида и Густава Эмара; очевидно, для этих беглецов подобная умственная пища оказалась нездоровой, тогда как многие их товарищи заинтересовывались отнюдь не приключениями кровожадных героев, излюбленных названными авторами, а теми сведениями из географии и естественной истории, которые там имеются иногда в избытке; аляповатые произведения Эмара и Майн Рида пробудили в них охоту к занятиям этими науками. Для детей с непомерно развитой фантазией Жюль Верн вреден, для других же, с серьезным складом ума, он положительно полезен. Мы встречали мальчиков, которые под влиянием его произведений, начинали сильно интересоваться физикой и проделывать физические опыты. Здесь точно повторяется история средневековых алхимиков: ища философского камня и жизненного эликсира, они наталкивались мимоходом на действительные открытия.

Итак, трактуя занимающий нас вопрос, мы ставим второе положение:

При выборе книг для детского чтения необходимо сообразоваться с детской индивидуальностью. Из данных заключений вытекает необходимость контроля над чтением учащихся. Как же производить этот контроль, нетрудный в домашнем быту, но не легкий в учебном заведении при массе учащихся? Для этого есть несколько способов. Если дети пользуются книгами из училищной библиотеки, то по записям можно проследить, какие книги всего чаще берутся, и по ним судить о вкусах читающих. Но этот источник далеко не достаточен. Начать с того, что в огромном большинстве наших школьных библиотек количество книг далеко не велико, наиболее живые и любознательные дети скоро перечитают их все и примутся искать себе книги в других местах, — стало быть, возможность следить за их чтением по каталогу скоро прекращается. Бедность же ученических библиотек объясняется тем, что далеко не во всех из них книги приобретались покупкой, по выбору лиц компетентных; в большинстве случаев (особенно в учебных заведениях, насчитывающих не мало лет жизни) ядро библиотеки состоит из книг, когда-то пожертвованных, набранных, что называется, с бору да с сосенки и на добрые две трети уже устаревших. Если потом библиотека и пополняется, то медленно и крайне скудно. Значит, руководиться библиотечными записями можно далеко не всегда, а приходится прибегнуть к другим средствам. Одним из таких средств являются записи самих детей. В одном учебном заведении, где очень высоко ставится значение внеклассного чтения, ученики еженедельно подают своему преподавателю русского языка тетрадки с обозначением всего прочитанного ими за неделю.

Пишущая эти строки, воспользовавшись хорошим примером, завела такой же порядок в своих классах, и результаты получились очень интересные: явилась возможность сделать заключения о вкусах детей и выводить полезные для преподавателя аналогии. Хотя дети и знали, что их отношение к чтению, большее или меньшее количество прочитанного не будут оценены никакой отметкой, но тем не менее у них возникло прекрасное по своим последствиям соревнование: даровитые и живые девочки втягивали в чтение своих более вялых и ленивых подруг.

Одними записями, конечно, нельзя ограничиться: не то, чтоб детям было уж слишком свойственно обманывать взрослых, — как это думают некоторые суровые педагоги старой школы, до сих пор верящие в конечную испорченность человеческой, а потому и детской натуры, — но если и взрослые могут иногда подолгу обманывать самих себя, то тем более к этому склонны дети, вообще

менее живущие сознательной жизнью, менее способные разобраться в собственных впечатлениях. Им кажется, что они прочли книгу, между тем как они только перелистали ее, прочли только разговоры да передачу фактов, совсем пропустив описания; они воображают нередко, что поняли содержание, тогда как оно совсем не усвоено ими. Поэтому необходим, кроме записей, известный опрос учеников по поводу прочитанного. Достаточно задать 2–3 вопроса, чтоб судить о том, какой след оставила книга, что произвело впечатление, и что прошло мимо, не затронув ни молодого ума, ни молодого чувства. Для изучения детской личности, такие ответы дают чрезвычайно ценный материал.

Здесь важно познакомить детей даже с внешними приемами чтения, образовать из них вполне культурных читателей. Например, ребенок совсем не считает нужным запоминать имя автора — необходимо приучить его к этому. Хорошо, если с этой целью он прямо запишет в свою тетрадку название книги и ее автора. Это поспособствует, кроме того, и развитию в нем аккуратности и любви к порядку, так что и впоследствии чтение его не будет носить неряшливого характера. Уча читать разумно, следует обращать внимание детей и на обстановку действия. Часто, поглощенные лишь самой интригой, ее завязкой и развязкой, они не интересуются вопросом, где именно, в какой стране происходит действие, и даже характерные имена действующих лиц ничего не говорят им об этом. Стало быть, надо не оставлять без внимания и этой стороны чтения, приучать маленьких читателей распознавать, где живут интересующие их герои, а если книга историческая, то и в какую эпоху. Детям из среды некультурной бывают трудны для понимания повести и рассказы из иностранной жизни, но из этого не следует, чтобы надо было держать их в круге одних и тех же понятий, — чтение, напротив того, должно вывести их из того тупика, куда забросила их судьба, и показать им более широкие горизонты.

Контрольные тетради, о которых мы говорили выше, применяются кое-где и в провинции, но жаль, что их применение обращается иногда в педантическую меру. Так, учитель Майкопского реального училища (см. приложение к сентябрьскому выпуску «Циркуляра по Кавказскому учебному округу») предложил своим читающим ученикам отвечать на следующие вопросы: «1) Заглавие прочитанной книги? 2) Какого числа начато и какого окончено чтение? 3) Каждый ли день она читалась и в какое время? 4) Сколько часов в день употреблялось на чтение? 5) Сколько страниц прочитывалось в день? 6) Что мешало чтению? 7) Дочитал ли книгу до

конца? 8) Пропускал ли страницы при чтении и, если пропускал, то почему? 9) Написать пересказ прочитанной книги или наиболее интересной ее части. 10) Какие лица наиболее понравились в прочитанном произведении и почему? 11) Какие лица не понравились и почему? 12) Какие места понравились в прочитанной книге (если не длинные, то выписать)? 13) Выписать наиболее интересные слова в выражения, которые желал бы выучить. 14) Чего не понял в прочитанном? 15) Принялся ли после чтения книги за новую или почему-либо сделал перерыв в чтении?»

Предпишите ученику следовать намеченным правилам и, сядя за книгу или оставляя ее, взглядывать на часы, а также, читая, помнить, что он должен непременно ответить письменно на предложенные многочисленные вопросы, и вы сделаете из внеклассного чтения противный и трудный урок.

Контроль должен быть, но не обременительный для детей: цель его знакомиться с их вкусами и склонностями, и разъяснять непонятое при чтении, указывать на лучшие книги в том случае, если выбор их со стороны самого ученика неудовлетворителен в педагогическом или художественном отношении. При умелом ведении дела дети сами охотно обращаются к учителю за разъяснениями по поводу прочитанного и указаниями интересных и хороших книг.

В высшей степени важно выяснить, какие книги наиболее любимы детьми. Желая прийти к определенным выводам относительно этого занимающего нас вопроса, мы опросили более 250 девочек в возрасте от 9 до 15 лет. *Из коротких письменных ответов выяснилось, что старшие (в возрасте от 12 до 15 лет) предпочитают всему остальному книги исторического содержания;* эти книжки (разумеется, историческая беллетристика) переходили из рук в руки и зачитывались иногда до полной растрепанности и негодности. Так как мне удалось опросить и гимназисток, и учениц профессиональной школы (такого же возраста), то я имела случай убедиться, что хотя те и другие предпочитали исторические повести и романы всем прочим книгам, но в школе книгам по русской истории отдавалось преимущество перед такими же по истории всеобщей. Объяснялось это очень просто: гимназистки более знакомы с всеобщей историей, чем ученицы данной школы, где этот отдел истории не проходит, обстановка действия чужда читательницам, отчего и интерес мало возбуждается. Впрочем, после учительских объяснений такие книги тоже читались с интересом, причем особенным успехом пользовались среди 14–15 летних девочек роман Манцони «Обрученные» (сильное впечатление производит здесь, обыкновенно,

яркое описание чумы в Милане), романы Бульвера (напр., «Последние дни Помпеи» и «Гарольд»), некоторые романы Вальтер-Скотта (говорю некоторые, но не все, потому что те, сюжет которых взят исключительно из истории Шотландии, как-то менее интересны, чем другие), как, напр., «Кенильворт», «Айвенго», «Талисман». И гимназисткам, и девочкам из народа одинаково нравилась «Жанна д'Арк» Марка Твена, книга, написанная задушевно и поэтично. Усердно читались и романы Эберса, и немало слез проливалось над его «Дочерью египетского царя». Зато «Мученики» Шатобриана редко дочитываются до конца: напряженность языка и завязки слишком бросается в глаза. Можно положительно сказать, что этот поэт Реставрации уже отжил свое время. Историческая драма Шекспира, Гёте и Шиллера понятны подросткам этого возраста лишь тогда, когда их читает сам учитель, который сумеет выкинуть то, что пока недоступно, и будет постоянно комментировать свое чтение; иначе говоря, требуется здесь, пожалуй, «вольный перевод» их, а это жаль, потому что в таком случае философская подкладка их ускользает, превышая детское понимание. Чем до известной степени «уродовать» классическое произведение, лучше отложить знакомство с ним года на два.

Отдавая преимущество русской истории пред всеобщей, мои школьницы охотно читали повести из эпох им уже известных — явное доказательство, что предварительные объяснения не только не уменьшают, но, напротив того, усиливают интерес к произведению. Надо было видеть радость девочек, когда, читая «Кн. Серебряного» или «Басурмана», они встречали лиц, знакомых им по урокам русской истории. Можно было заметить за последние годы постепенное ослабление интереса к повестям Фурмана; еще недавно они нравились, но теперь уже читаются несравненно реже; их заменили у детей лучше и современнее написанные повести Авенариуса: «Во львиной пасти», «Меньшой потешный», «Три венца» и друг. «Юрий Милославский» и «Рославлев» берутся до сих пор нарасхват, несмотря на сентиментальность и устарелый язык; но дело в том, что Загоскин, как рассказчик, даровитее бесцветного Фурмана.

Чем же объясняется любовь детей к исторической беллетристике? Не только тем, что здесь много событий, много действия (хотя и это привлекательно для детей), — но в таких книгах их чарует «правда», сознание, что изображенные факты действительно были. На вопрос, почему детям нравятся книги исторического содержания, спрошенные неизменно отвечают: «Там рассказано то, что было на самом деле», или «Мне всего интереснее знать,

что это не выдуманно» и т. п. Дети часто разочаровываются, когда узнают, например, что многие лица, выведенные в исторических произведениях, совсем не существовали, а представляют собой плод авторского воображения. Впрочем, на первых порах их не следует так разочаровывать — ведь здесь важно, повторяем, не приготовление к науке, а развитие вкуса к чтению более серьезному, более трудному, чем простое повествование; и не беда, если они будут думать, что поэт, передающий в своих записках жизнь Жанны д'Арк, лицо не вымышленное, как и трубадур Теобольд в старинной повести Чистякова.

С течением времени дети станут сознательнее относиться к подобному чтению, сумеют отличить правду от вымысла, и тогда при большем развитии ума такое критическое отношение к книге не ослабит интереса к ней, или же при серьезном направлении вкусов и возрастающей пытливости оно побудит искать чтения более серьезного: тогда, значит, историческая беллетристика сделала свое дело и подготовила данным образом почву для другого посева. Итак, не надо преждевременно расхолаживать, точно разграничивая историческую действительность от работы фантазии автора.

«Если с Антоном (героем романа „Басурман“) не все было так, как здесь написано», сказала мне со слезами одна девочка, — «так я дальше и читать не хочу». Конечно, читатели нашей статьи поймут нас. Мы не хотим сказать, чтоб в руки ребенка можно было бы дать всякую детскую книжку исторического содержания, маломальски сносно написанную. Нет, разумеется, ни один разумный педагог не порекомендует произведений, где грубо искажены исторические факты; в особенности же надо избегать, как огня, таких, в которых проповедуется вредный шовинизм или же патриотизм, получивший с легкой руки князя Вяземского название «квасного»; от него обыкновенно с трудом отделяются впоследствии: часто об этот печальный сорт патриотизма, заботливо привитый с детства, бесплодно разбивается, как о непроницаемую броню, всякая разумная историческая критика.

Другой причиной любви детей к историческому чтению является, как уже сказано выше, то обилие занимательных фактов, которое дает история. Дети ценят это более, чем психологию — тонкие психологические положения им непонятны.

Не умея еще разбираться в своей постоянно растущей психике, неспособные пока к самонаблюдению, они не найдут интереса в той простой с виду фабуле, которая ценна для взрослого человека своим внутренним содержанием, — им нужны факты и факты.

Детьми весьма охотно читаются и перечитываются биографические повести: в них есть милая детскому сердцу правда. Посмотрите, как увлекаются и мальчики, и девочка повестями Авенариса «Отроческие годы Пушкина» и «Юношеские годы Пушкина». Правда, его трилогия из жизни Гоголя написана не так талантливо, но и ее первые две книги сильно нравятся; только последняя часть с ее рассказом о первых литературных шагах Гоголя и его отношениях к Свиньину и Сенковскому мало понятна детскому уму. Жаль, что нет таких же повестей из детства Жуковского и Лермонтова.

Жизнь первого, в мирной деревенской глуши, среди любящего его женского круга, игры с маленькими племянницами, домашние спектакли, ученические годы в уездном училище и позже в университетском благородном пансионе — все это дает богатейший материал для интересной беллетристической работы. Много занимательного представляет собой и детство Лермонтова: ранняя смерть матери поэта, его тяжелое положение между отцом и бабушкой, поэтическая поездка на Кавказ, жизнь в Тарханах среди крепостнической обстановки и т. д. Конечно, юность Лермонтова не может быть взята как сюжет для детской повести, но детские годы его дело иное.

Успех биографических повестей находит себе объяснение еще и в том явлении, по которому детям бывает приятно видеть взрослых людей, им симпатичных и близких, вмешивающимися в их игры: им интересно читать о великих людях, учившихся, игравших, шаливших, как они сами; все эти великаны как будто сходят со своих пьедесталов, приближаются к ним, детям. Это то же самое чувство, которое побуждает их часто просить родителей рассказать им, какие они были маленькие, — и если те расскажут им о какой-нибудь собственной шалости в далеком прошлом, восторгу ребят обыкновенно нет конца.

Но не все же детям предлагать исторические и биографические повести: ведь среди детских книг огромный контингент составляют бытовые очерки и рассказы, знакомящие с современной жизнью. Но здесь возникает чрезвычайно важный и интересный вопрос: какие из подобных произведений предпочитают дети? Те ли, где рисуется их собственная среда, хорошо знакомая им обстановка, или другие, позволяющие им хоть ненадолго заглянуть в чужой мир, в новые, неизвестные им до тех пор условия? Не будем и в данном случае решать вопроса категорически, а обратимся лучше ко вкусам взрослых читателей и посмотрим, что они предпочитают. (Следует, разумеется, принять во внимание и окружающие усло-

вия, и степень умственного развитая читателя). Бесспорно, человек, живущий среди безысходной нужды, грязи и нищеты, непременно захочет «позабиться в чародействе красных вымыслов».

Жалкая Настя в комедии Горького «На дне» упивается топорными вымыслами бульварных романов и под их впечатлением создает себе такое прошлое, какого у нее быть не могло, сама веря в свои фантастические рассказы, над которыми издеваются обитатели ужасной ночлежки.

Читатель, о котором говорится в одном из рассказов Глеба Успенского, сидя в грязном номере провинциальной гостиницы, зачитывался «Воскресшим Рокамболом», так что библиотекарь его, лавочник, писал ему в поощрение: «иво еще много будете воскрешаго».

Я помню одну старую даму, бывшую институтку, жившую в крайней нищете с пьяницей мужем и больной дочерью. Когда ей принесли для чтения роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», она после краткого просмотра с неудовольствием отложила его в сторону: ей не было никакого интереса читать о том, что она видела, от чего страдала ежедневно; зато она горячо благодарила за романы Марлитт, дававшие ей возможность позабыться, следя за жизнью разных немецких графинь и принцесс. Может быть, колоссальный успехи романов Марлинского объясняется именно тем, что они уносили воображение читателя из мрачной обстановки гнетущего Николаевского режима в особый мир бурных, нечеловеческих страстей, где не было ни казарм, ни полицейских, ни фельдъегерей, но где жили, пылко любили и красиво умирали разные Гремины, Лидины, Звонские, героини без времени и пространства. Чем тяжелее переживаемое время, тем иногда неестественнее ломается литература. Век Людовика XIV с его вылощенным, но бездушным деспотизмом был эпохой расцвета ложноклассической поэзии; в Николаевское время увлекались, как мы уже сказали, Марлинским, а теперь мы видим, как ломаются декаденты, доморощенные поклонники сатаны и т. д. Мы не говорим об орлах поэзии, — и при Николае жили Пушкин, Лермонтов, Гоголь, — но о той литературе, которая в данную эпоху преобладает в количественном отношении и представляет собой среднее чтение для средней публики. Чем развитее человек, тем он чувствительнее к фальши, и тем менее удовольствия может ему доставить такая, не имеющая ничего общего с жизнью, литература: и в первой половине XIX в. были люди, смеявшиеся над Марлинским и Бенедиктовым.

Сказанное о взрослой читающей публике можно применить и к читающим детям. Я могу положительно утверждать, что дети беднейших слоев населения особенно любят читать те книги, где описана жизнь богачей. Прочитав какую-нибудь биографию бедной девочки (в роде «Как Маша стала мастерицей» *Доганович*), они часто хором заявляют, что это неинтересно. Почему? задается вопрос: «Да мы это знаем: что хорошего читать все про мастериц и портних?»

Итак, бедным детям нравятся книги, дающие им возможность заглянуть в чужую среду и отдохнуть душой от собственной неприглядной обстановки. Всегда ли хорошо действует такое чтение — это другой вопрос. Нет сомнения, что постоянно читать о жизни богатых людей, приятно проводящих время в роскошных квартирах и катающихся на собственных лошадях, далеко не поучительно для бедного ребенка, заброшенного случайностью рождения в самые скромные житейские условия. Помню, с каким удовольствием описывала мне одна юная читательница комнату богатой героини рассказа (это было при передаче содержания прочитанной дома книги). «Комната освещалась розовым фонариком, мебель была обита розовым атласом», твердила она, видимо, смакуя эта подробности. Ей, бедняжке, жившей с родителями и еще тремя малютками-сестрами в одной комнате, составлявшей всю квартиру, конечно, будуар «с розовым фонариком» представлялся каким-то земным раем.

Стало быть, необходимо регулировать чтение, избегая вредной односторонности, и указывать детям и на те книги, где изображена трудовая жизнь бедняков, лишь бы это изображение не носило слишком серого тона, излюбленного нашими народниками: такой тон отобьет хоть у кого угодно охоту к подобному чтению, невольно потянет опять к «розовому фонарику», который, по крайней мере, хорошо описан. Конечно, этот печальный колорит слишком сросся с русским литератором: «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло», но так как в молодом поколении необходимо воспитывать бодрость духа, то часто скорей порекомендуешь ученику какой-либо английский рассказ, чем беспросветную повесть добросовестного, честного, но чересчур уже плаксивого русского писателя.

Если последний и выведет хорошего, энергичного юного труженика, то с ним уж непременно что-нибудь случится: или он замерзнет в метель, или в реку свалится, или умрет от горячки ни с того, ни с сего. Подобные русские повести так и напраши-

ваются на странный вывод: не стоит и быть хорошим, а то рано умрешь.

Поневоле укажешь детям скорее на английскую повесть, где юный Джим или Дик живет чуть не в сарае, но сам себя содержит, да еще бедной соседке и ее детям помогает, и делает он это, не теряя ни бодрости духа, ни задорного юмора, так что понемногу, несмотря на неблагоприятную обстановку, из него вырабатывается препорядочный английский гражданин.

Дети интеллигентных родителей, как замечено нами, охотно читают книги с описаниями их же среды, но это объясняется тем, что их среда реже дает им те гнетущие впечатления, которые с избытком валяются на их менее счастливых сверстников, как шишки на бедного Макара. Оттого-то на вопрос: «Любите ли вы читать описания вашего круга, вашей среды?» — дети из народа отвечают отрицательно, а дети состоятельных классов, утвердительно. *Впрочем, и у тех, и у других пользуются большим успехом повести и рассказы из школьной жизни* — (одни встречают в них *свою* среду, другие — *чужую*, так как подобные произведения рисуют по большей части быть средне учебных заведений), как «Товарищ» Познякова, «Девочки» Лухмановой, «Записки институтки» Чарской (хотя эта книга отличается некоторой лубочностью), «Дети Солнцевых» Кондрашевой (вторая часть этой книги не совсем годна для детского чтения) и т. д.; на этой нейтральной почве как бы примиряются те и другие.

Читатель, надеюсь, не подумает, будто мы собираемся запирать и прятать от бедных детей повести и рассказы из быта тех людей, чья жизнь лучше обставлена и в материальном, и в умственном отношении. Ограничивать круг их чтения и пичкать их описаниями их же надоевшей им серенькой среды все равно, что пускать заключенного дышать чистым воздухом на тюремном дворе, в тесной клетке: правда, он видит клочок неба, но в сущности выносит мало удовольствия, потому что ему все время приходится толкаться на том же месте, как белке в колесе, да и кругом он видит те же клетки и знает, что в них находятся такие же несчастные, как он, люди. Едва ли подобная прогулка даст ему должное освежение. Наконец это и невозможно: одностороннее чтение непременно набьет оскомину, и дети все равно заглянут в иной мир, но только уже без нашего руководства и совсем нежелательным для нас образом. Не хотелось бы, разумеется, чтоб дети выносили из книг озлобление и зависть или неудержимое стремление только к материальным благам: желательно было бы видеть в них впоследствии

людей бодрых, энергичных и деятельных, не пассивных страдальцев, а борцов, верящих в улучшение и своей участи и, что еще важнее, участи ближних.

Самым действительным средством для этого является, без сомнения, возможно широкое образование. Как неправы поэтому наши обскуранты, которые, думая развить в бедных детях довольство их скромной долей, стараются всячески урезывать скудные знания, получаемые ими в школах. При полузнании воображение работает сильнее, но, бедное хорошим материалом, оно работает односторонне, и нет сдерживающей грубые аппетиты нравственной силы. Чем выше умственное развитие, тем лучше работа мышления, которое стремится разобраться во всевозможных житейских впечатлениях, найти настоящую дорогу, почему читатель охотно хватается за книгу, где встречаются положения, аналогичные с его собственным: он ищет в ней ответа на многие возникшие у него вопросы и, вооруженный знанием, не будет расплываться в бесплодных мечтах, а отмежует себе на земле тот уголок, в котором он может устроиться возможно лучше для других и для себя. Недаром Бэкон заметил, что мелкие умы придают слишком много значения различиям, а крупные более ценят сходство.

Решив вопрос о том, какой среде отдают дети предпочтение в литературных произведениях, упомянем о следующем роде книг, нравящихся детям: *это те, которые дают простор их чувствительности*; над ними можно поплакать, сочувствуя горькой судьбе изображенных лиц. Человеку с его сложной натурой свойственно находить странное, по-видимому, наслаждение в чувстве грусти (конечно, когда оно же имеет слишком близкого, реального основания). Это явление близко к тому приятно-жуткому чувству, с каким дети слушают страшные сказки: тут и боязнь, и радостное сознание, что в противоположность героям сказки они-то сами находятся в данную минуту в полнейшей безопасности. Здесь есть большая доля эгоизма, но и альтруизм играет некоторую роль. В миниатюре мы видим в подобном наслаждении ту черту, о которой сказал еще Пушкин:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы.

Пользуясь этим общечеловеческим свойством, надо и здесь избегать крайностей и не держать детей в мире сентиментальном, в мире исключительно чувствительных историй и положений, чтоб не развить в них излишней нервности и слезливости. Вместе с тем тот, кто руководит детским чтением, все же позаботится, чтоб, знакомясь и с печальными, темными сторонами жизни, дети выносили из этого чтения не одно нервное волнение, ни к чему дельному потом не ведущее, а бодрое, деятельное желание прийти на помощь всем обездоленным. Им укажут поэтому, что та нищета, о которой они читали в книгах, не вымысел, и заставят думать не только о своей маленькой особе, но и о других. Нельзя скрывать, что в наших достаточных семьях дети часто растут эгоистами: родительские заботы о их здоровье и благополучии часто доходят до вредных размеров. Ребенок видит нищего и стремительно бежать подать ему милостыню. Его останавливают, говоря, что у нищего грязные руки — еще заразить чем-нибудь. Он хочет одолжить свою книгу для прочтения товарищу — опять запрет: кто знает — может быть, в семье товарища теперь корь, скарлатина или коклюш — лучше не давай.

Страх пред воображаемой опасностью заставляет упускать из виду другую опасность, несомненно, существующую: возможность развития в будущем натуры эгоистической, у которой будет девизом поговорка: «Моя хата с краю». Вот чтение и может служить в данном случае хорошим противоядием, заставляя читающего жить жизнью других людей, разделять их горести и радости, отнюдь не считая себя самого центром вселенной; но, повторяем, тут нужен разумный руководитель.

Расширению детского кругозора не мало помогает и чтение путешествий. Еще недавно путешествия, изложенные в форме не беллетристической, совсем не находили себе читателей среди детей. *Теперь же это чтение становится все более и более распространенным.*

Такое изменение детских вкусов объясняется тем прогрессом, который проявился наконец в преподавании географии: вместо зубрения бесчисленной номенклатуры и бесплодного, томительного черчения карт, преподаватели, став на верную точку зрения, начали знакомить детей с природой и людьми неведомых молодому поколению стране. Это сейчас же пробудило в учениках интерес к этой науке, еще усиленный и возвращением естествознания из его продолжительной ссылки. В то же время и в печати появилось много прекрасно написанных путешествий, которые как раз отвечают

спросу; назовем хоть сочинения Елисеева, «Путешествие по южной Америке» Ионина, «Путешествие вокруг света» Циммермана (2-ое исправ. издание) и другие. Чрезвычайно полезно читать эти книги с атласом в руках. Иногда такой совет пользоваться при чтении атласом кажется детям диким — от него слишком пахнет уроком, но потом, следуя ему, они видят, что тогда интерес к книге еще усиливается. Это одно из средства воспитывать *сознательность* чтения. Если же читаются книги естественно-исторические, желательно бы давать возможность детям производить надлежащие опыты, заботиться о птицах, маленьких животных, наблюдать за жизнью насекомых и т. д. Если дать человеку в руки эти три дивных свойства — любовь к себе подобным, любовь в умственном труде и любовь к природе, то, снабженный столькими ресурсами, он не окажется лишним гостем на жизненном пиру и будет близок к той «полноте жизни», о которой, как о достижимом для каждого идеале, говорил покойный симпатичный философ Гюйо.

До сих пор мы говорили о тех книгах, которые в ходу среди наибольшего контингента читающих детей, т. е. в возрасте от 10–15 лет.

Вот почему мы не затрагивали еще вопроса о сказках, тоже постоянно вызывающего оживленные споры. Следует ли читать сказки детям от 7–9-10 лет? Мы не боимся ответить здесь утвердительно: да, несомненно, следует. Сказка такая же необходимая пища для детской фантазии, как материнское молоко для младенца: ребенок может быть выкормлен и иным путем, но это все же явление аномальное, а иногда залог будущего нездоровья. Детские годы могут пройти и без милого сказочного мира, но тогда дети не получают той развитой фантазии, той драгоценной теплоты, которая так нужна будущему человеку. Какие же сказки предпочитают малютками? *Всегда почти те, где фантастический элемент соединен с юмором*: вот почему сказки Пушкина с их здоровым смехом так нравятся детям. Впрочем, всего рациональнее начинать чтение со сказок народных, а затем уже переходить к художественным. Наивность народного мирозерцания всего понятнее ребенку. Однако, т. к. народ любит и грубую шутку, то надо быть осмотрительным в выборе сказок, потому что и в сборник Афанасьева, наиболее распространенный, вкралось немало тривиальных и вульгарных сказок, уж не говоря о сборнике Гримма (изд. Павленкова), который при издании недостаточно был просмотрен. Мы тоже не допустили бы детей читать датские сказки Грундвига, из которых многие прямо неприличны, и даже «Тысячу и одна

ночь», где восточная фантазия и в переделке для детей, не теряя занимательности, сохраняет все же свою первобытную грубость. Мы исключили бы из каталога сказок, пригодных для детского чтения, также сказки об Иванушке-дурачке: они не только часто грубы, но и самая мораль их мало назидательна. В этом отношении мы, пожалуй, примыкаем к известному мнению Гончарова о вреде для Ильюши Обломова сказок «о неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода, где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает, а день-деньской только и знают, что гуляют все добрые молодцы, такие, как Илья Ильич, да красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде шуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами — какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его ни с того ни с сего разным добром, а он, знай, кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне. Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта неискренна; она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Он невольно мечтает о Милитрисе Кирбитьевне; его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы». Разумеется, такое вредное влияние сказок на Ильюшу объясняется дремотной и праздной обстановкой Обломовской жизни — здесь почва была слишком хорошо подготовлена для подобного восприятия; но тем не менее сказки об Иванушке Дурачке имеют, по нашему мнению, лишь интерес исторический. В них заработавшийся, измученный народ видит свою мечту о спокойной, привольной, праздной жизни, в ущерб другим сословиям, до тех пор бравшим себе лучшие куски на жизненном пиру.

Удивительные метаморфозы, происходящая с счастливецем Иванушкой, могут, конечно, позабавить детей, но хорошего воспитательного значения иметь они не будут, как и те сказки, где герой торжествует над врагами, благодаря своей неразборчивости в средствах (мальчик-с-пальчик, убивающий детей злого великана).

Едва ли полезны и те сказки, которые слишком пугают воображение ребенка. Обратимся снова к Гончарову и припомним, что

делалось с Ильюшей, когда няня повествовала ему «о мертвецах, поднимающихся в полночь из могил, или о жертвах, томящихся в неволе у чудовища, или о медведе с деревянной ногой, который идет по селам и деревням искать отрубленную у него лапу. Волосы ребенка трещали на голове от ужаса, детское воображение то застывало, то клочкотало, как кипятилок; он испытывал мучительный, сладкоболезненный процесс: нервы напрягались, как струны».

Как замечено гениальным романистом, в этом страхе для Ильюши заключалась известная сладость; но все же едва ли полезны такие рассказы, от которых у ребенка «нервы напрягаются, как струны». Но ведь ребенок неминуемо познакомится с чувством страха, возраят нам защитники «страшных» сказок. Конечно, но зачем же его обострять нелепостями, когда и настоящие, реальные ужасы жизни, увы! не уйдут от них. К чему раньше времени трепать детские нервы выдуманными страхами? В результате и получится трусливый Илья Ильич Обломов, которого не трудно было запугать всякому предприимчивому мошеннику.

Что касается сказок о животных, то их любят только самые маленькие дети; чуть они подрастут, у них является желание слышать рассказы о себе подобных, но малютки восторгаются всегда и похождениями лисы и волка, и прекрасно написанной «Сказкой о пчеле Мохнатке» Авенариуса. Есть сказки, который представляют собой уже переходную стадию к повести; их читают дети и старше 9–10-летнего возраста. Даже и взрослый человек не без удовольствия заглянет в них. Первое место среди таких произведений занимают, разумеется, вечно юные сказки Андерсена. Дети с восторгом читают и перечитывают «Русалочку», «Ледяницу», «Деву гор» и др. Здесь все говорит детскому сердцу: и красивые описания мощной альпийской природы, вечных полярных льдов, безбрежного океана, и постоянная поэтичность сюжета, мягкая грусть, лишенная безотрадного оттенка, а, главное — гуманное, любовное отношение к страдающему человеку: сказки Андерсена полны примеров поразительного самоотвержения (так в сказке «Ледяница» маленькая девочка Герта несколько раз рискует жизнью, чтоб отыскать и спасти Кая, товарища своих детских игр. Русалочка в «Мор. Царевне» также жертвует собой для неблагодарного принца и т. д.). В интересной книге Ив. Ив. Феоктистова — «К вопросу о детском чтении» автор справедливо замечает, что сказка Андерсена — лебединая песнь сказке. Можно даже подумать, что Андерсен, писав свои сказки, и не думал о них внутреннем смысле, что он сам собой являлся из его наболевшей души. Здесь равно привлекательны

и задушевность, и тот своеобразный пантеизм, который особенно присущ Андерсену. Мы поставили бы рядом с его сказками некоторые из сказок Вагнера (Кота Мурлыка), который, очевидно, навеяны датским писателем; таковы: «Песенка земли», «Два вечера», «Швея»; в них видна такая же горячая любовь к страдающему человечеству и глубокая ненависть к врагу этого страдальца — эгоизму. Но Вагнер менее художник, чем Андерсен, и те сказки, где он затрагивает важные вопросы социальных отношений, написаны несколько темно и едва ли доступны детям: они могут восхищаться сказками «Милла и Нелли», «Макс и Волчек», но восхищаются, как мы неоднократно подмечали, чисто поверхностно, так сказать, частично: им нравится в сказках «Милла и Нелли» красивое описание Лазурных островов и счастливой жизни их обитателей, они смеются над тепличным существованием, которое вел Макс у бабушки, но самый глубокий смысл сказки от них совершенно ускользает, что весьма понятно. К той же категории сказок надо отнести и сказки Ж. Занд (как, например, «Великан Иеус», «Крылья мужества»). Их не поймет маленький ребенок, и не для него они писаны: фантастическая фабула здесь только рамка для глубокой идеи.

Установив законность сказки для детского чтения, прибавим еще на основании вышеизложенного, что в сказках детей привлекает *не только соединение фантастического элемента с юмором, но и задушевность, поэтичность сюжета, гуманная его сторона*: сказки первого рода нравятся маленьким детям, сказки второго рода привлекают детей постарше, способных уже рассуждать.

Здесь является вопрос о роли юмора в детских книгах; надо решить поскольку он имеет в них право гражданства. Дети любят смеяться, и, дай Бог, чтоб они долго сохраняли эту способность и никогда не обращались бы в хмурых людей, в обществе которых нелегко живется. Не надо мешать здоровому детскому смеху звучать радостно и громко, не надо его останавливать в том случае, если это действительно здоровый смех. Дешевый смех может выродиться в сплошное зубоскальство, в невозможность относиться к чему-либо серьезно.

Вам случалось, вероятно, встречать людей, которые в театре могут смотреть только водевили или фарсы, для которых существует не опера, а оперетка, в каждой книге они ищут только забавного, самая история интересна для них лишь по обилию анекдотов. Во всяком благородном порыве они отыщут комическую сторону, в самый грустный момент подметят смешные жесты огорченных людей. Такие личности выходят из семей, где пошлый, дешевый,

чисто желудочный смех никогда не умолкает, где родители пока- тываются со смеху, заставляя детей передразнивать тех или других знакомых; этот смех далек от здорового юмора и близок к самому откровенному эгоизму; он дает скептиков самого низшего разбора, вечно над всем глумящихся и потому никому не приятных: каждый сторонится подобных людей, не желая делаться предметом пош- лых шуток. Чтоб избавить детей от подобной участи, мы советуем прятать от них так называемый *забавные* книги, ничего общего не имеющие с истинным комизмом, преследующим высоко гуман- ную цель исправления людских пороков и недостатков. Родители, беспечные на счет литературы, часто снабжают ребят книжками, во множестве наполняющими железнодорожные киоски, чтобы *charmer les ennuis de la route* для путешественников; эти книжонки носят часто такие красноречивые названия: «Ха-ха-ха или умрешь со сме- ху», «Собрание анекдотов всех времен и народов» и т. д. У меня был ученик, обожавший подобную макулатуру, потому что и в семье его только такое чтение и признавалось; в произведениях классических писателей он умел отыскивать только смешные эпизоды; об ру- ку с этими литературными вкусами у него шло и общий легкий взгляд на занятия, и все житейские отношения, отвращение ко все- му серьезному и дельному; с товарищами он сближался лишь тогда, когда они обладали способностью смешить его забавными шутка- ми или же вследствие собственной тупости и безбидности могли служить пригодной мишенью для его острот. Подобный живот- ный, жирный смех, вытекающей из неразвития, побуждал наших предков когда-то окружать себя карликами и карлицами, шутами и шутихами; он соединен с неуважением к человеческой лично- сти, к человеческому достоинству и не должен иметь места при разумном воспитании.

До сих пор мы говорили о детской литературе, лишь иногда упоминая о произведениях, написанных не для детей; но из это- го не следует, чтоб мы исключали классиков из каталога книг, назначенных для подрастающего поколения. Кроме того, такой факт и невозможен: каждый ребенок из интеллигентной семьи ра- но знакомится с нашими классиками и без всякого постороннего побуждения: постоянно слыша о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, он проникается желанием прочесть их произведения, достает их без труда и читает. Итак, это факт существующий, но яв- ляется вопрос, насколько он желателен: хорошо ли, что дети, читая этих писателей, нападают на сцены любви, ревности и т. п. чувств, знакомиться с которыми им еще рано. С этой стороны опасность

невелика. Хотя мы и говорили, что пестрое чтение может быть безвредным только для немногих натур; но относительно классиков дело иное: великие русские писатели никогда не прибегают к некрасивым подчеркиваниям, без которых не могут обойтись даже лучшие из французских беллетристов, да и нельзя же, следуя старинному методу, закалывать страницы булавками. К тому же дети, познакомившись по отрывкам в хрестоматиях с каким-нибудь эпизодом классического произведения, всегда стремятся прочесть его целиком. Кстати, такое школьное чтение отрывков все более и более выходит из употребления, и, действительно, пора положить предел безжалостному кромсанию художественных произведений в целях обучения языку. Итак, желательно давать их детям в целом, а не жалкими кусочками. Нам заметят, вероятно, что не каждое издание Пушкина, Лермонтова и др. классиков можно дать детям в руки, потому что помимо их известных вещей (с ними мы хотели бы познакомить детей), туда набралось много таких стихотворений, которые авторы сами оставляли в черновых бумагах, находя, может быть, их печатание недостойным своего имени. Известное дело, русский человек, даже гениальный, любит под веселую руку обмолвиться крепким словом, не думая, что оно, вылетев из его уст, будет подхвачено и впоследствии увековечено в печати каким-нибудь слишком усердным литературным «мусорщиком». Приняв это во внимание, необходимо изготавливать для учащихся особые издания классических авторов, не в виде жалкой литературной крошки (таковы, по большей части, юбилейные издания соч. Пушкина, предназначенные для детей), но лишь с выпуском тех стихотворений и набросков, которые, не представляя большой литературной ценности, не могут, кроме того, считаться пригодным чтением для юношества: сами их авторы, воскресни они теперь, одобрили бы такой порядок вещей.

Педагоги находят в раннем чтении классиков еще другую опасную сторону: оно не может, конечно, сопровождаться полным пониманием прочитанного, следовало бы поэтому перечислить художественные произведения еще раз и попозже, а между тем дети, полагая, что они уже знакомы с ними достаточно, не желают перечитывать вторично. Это до некоторой степени верно: может быть, по собственной инициативе они и не примутся за вторичное чтение знакомых вещей, но тут на обязанности преподавателя литературы лежит выяснить им и значение, и красоты великого произведения, так что, заинтересовавшись им снова, они не будут знать покоя до тех пор, пока вновь не прочтут его, и на этот раз оно доставит

им полное и незаменимое наслаждение. Но зачем же читать сначала, что называется, *начерно!* Не лучше ли отложить это чтение до тех лет, когда можно заняться им прямо *набело?* Но, во-первых, такая искусственная отсрочка, как вы уже говорили, невозможна; во-вторых, она и не желательна, потому что пользование классиками обогащает бедную детскую речь и дает возможность сродниться с поэтическими образами в те годы, когда все впечатления так живы и непосредственны. Наконец, чем раньше они подпадут под гуманизирующее влияние наших великих писателей, тем это лучше. Есть мнение, будто дети не любят классических сочинений и неохотно читают их: это неправда. Конечно, далеко не все гениальные произведения им нравятся, в силу их недостаточной подготовки к серьезному чтению, но многие и многие безусловно нравятся и много читаются детьми и без постороннего побуждения. Таковы: «Светлана» и «Ундина» Жуковского, «Капитанская дочка» Пушкина, его же «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Мцыри» и «Беглец» Лермонтова, малороссийские рассказы Гоголя, его же «Шинель», «Мертвые души» и две его гениальные пьесы «Ревизор» и «Женитьба». Из сочинений Тургенева любимыми вещами являются: «Муму», «Часы», «Стучит», «Льгов», «Пожар на море», «Перепелка»; из Льва Толстого: «Детство и отрочество», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник» и т. д. Нетрудно объяснить причины предпочтения, оказываемого детьми именно этим произведениям: в «Светлане» и «Ундине» фантастический элемент налицо, а он, как мы говорили, по душе детям, содержание в то же время просто и понятно, действия достаточно, а обилие фактов, что уже замечено выше, в главах читателей детей всегда достоинство: нельзя отрицать, что дети ищут в книге прежде всего занимательного чтения. Вопреки, однако, мнению многих, скажу, что ни «Рустем и Зораб», ни «Наль и Дамаянги» не принадлежат к числу любимых детьми книг: они нравятся только в чтении взрослых при указании их замечательных красот. Дело в том, что дети даже в возрасте от 12–14 лет (мы их имеем в виду, говоря о чтении классиков) не любят читать произведений, написанных тяжеловатым стихотворным размером, а стих указанных двух поэм далеко не так легок и грациозен, как в «Ундине»; но стоит им объяснить глубину содержания, и они оценят и нравственную красоту трогательного образа Дамаянги, и весь трагизм безысходной тоски Рустема, нашедшего сына только для того, чтоб вновь потерять его. Что касается «Одиссеи», то, разумеется, ни дети, ни подростки не примутся читать ее сами, да, по нашему мнению, им и не следует, читать ее иначе,

как в избранных отрывках. Когда-то Гоголь расточал в своей переписке преувеличенные похвалы этому знаменитому произведению древности: действительно, «Одиссея» зеркало древнего греческого мира, но не все в этом зеркале поучительно: сцена варварской расправы Одиссея с женихами Пенелопы не может внушать ничего, кроме отвращения.

Итак, дети охотно читают и классиков, но под условием доступности формы и содержания. Особенно благодарным писателем в этом отношении является для них Пушкин. Автор драгоценной для педагога книги «Родные писатели, как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми», В. П. Острогорский, говорит о них следующее: «Не один язык, чрезвычайно доступный детскому пониманию, не одна ясность образов и гармония стиха имеют здесь значение воспитательно-образовательное. В сочинениях Пушкина есть другое, особенно важное в редкое достоинство. Он, по собственному его выражению, будет долго любезен тем, что пробуждал, в людях своей лирой добрые чувства („Памятник“). Что бы он ни описывал, о чем бы ни говорил, в его словах видится любовь к природе, людям и жизни. Это гуманное отношение к действительности становится ясным всякому, кто вчитается в его сочинения, столь разнообразные по содержанию». Действительно, ни один поэт не воспринимается детьми так легко и любовно, как Пушкин. Я живо помню, какое впечатление произвел на детей в одной семье «Борис Годунов», нечаянно ими прочитанный. Семья была неинтеллигентная и дети мало развитые, но эта дивная трагедия точно разбудила их от долгого сна: они читали и перечитывали ее несколько раз, выучили, наконец, чуть не всю наизусть, задумали разыграть ее, распределили роли и несколько раз повторили представление, не теряя к нему интереса. Здесь впечатление получилось у них уже непосредственное, потому что побуждение со стороны взрослых отсутствовало. Не меньшим успехом пользуется и «Капитанская дочка»: замечательно, что она нравится и 10-летним, и 14-летним детям: простота изложения и изумительная ясность достигают в ней своего апогея. «Скупой рыцарь», напротив, читается только детьми старшего возраста: здесь психология сложнее, и комментарии необходимы. В том же возрасте (13–14 лет) начинает нравиться и Лермонтов; особенно его поэма «Мцыри» делается дорога молодым читателям: они тоже, обладая завидной памятью первой юности, выучивают ее наизусть и твердят звучный строфы. Гоголь, плохой литературный критик, как известно, назвал стих Батюшкова «облитым ароматами полудня», но с большим правом

это выражение можно применить к стихам Лермонтова, и дети чувствуют это своей чуткой душой.

Мы назвали выше те произведения Гоголя, которые наиболее читаются детьми, но заметим, что из малороссийских рассказов они, к сожалению, отдают предпочтение «Вию», как самому «страшному». Нам приходилось уже говорить о несколько паталогической склонности детей к такого рода литературе, но тем не менее, не взирая на интерес, им возбуждаемый, чтение «Вия» едва ли желательно. Что касается юмористических произведений Гоголя, то, разумеется, дети воспринимают этот юмор часто внешним образом, но из этого не следует заключать, что подобное чтение лишнее: из такого раннего знакомства с писателем, часто выносятся постоянная благодарная любовь к нему за доставленное наслаждение. Многим покажется, может быть, странным, что мы не упомянули о «Тарасе Бульбе», но так как мы говорим не о классном, а о домашнем чтении корифеев нашей русской литературы и основываемся не на теоретических данных, а на выводах из многолетних наблюдений, то должны признать, что «Тарас Бульба» далеко не на всех детей производит впечатление; особенно девочки часто остаются к нему равнодушны, может быть, потому, что повесть полна чуждого им воинственного пыла и риторики, расхолаживающей читателя. Истинно великие произведения не стареют, почему от «Ревизора» до сих пор и стар, и млад приходят в восторг, но «Тарас Бульба» дело другое: на нем слишком отразилось влияние романтической школы, любившей титанические характеры и гиперболические описания. Сравните эту повесть с «Капитанской дочкой», и вам покажутся ходульными многие сцены «Тараса Бульбы». Лиризм должен быть краток, а здесь полные лиризма сцены (хотя бы предсмертный пир казаков под стенами Дубно) страдают длиннотами. Положим, и подобные несколько напыщенные речи могли нравиться в свое время, как нравились, говорят, в XVIII в. дидактические монологи Стародума, но вкусы меняются, и теперь такие приемы кажутся устарелыми. В этой устарелости слога и освещения, заключается одна из причин нелюбви детей к Григоровичу; из его произведений только роман «Рыбаки» да рассказ «Прохожий» читаются сравнительно охотно, — остальные повести и рассказы из деревенской жизни не возбуждают никакого интереса. Они написаны в то время, когда Жорж Занд¹, в своем запоздалом изложении Руссо, восторженно рисовала крестьян и их жизнь какими-то небывальными штрихами с сильной примесью розовой краски. Григорович сентиментален, подобно ей, но у него не было таланта и благо-

родного жара французской романистики, поэтому его крестьяне хотя тоже не мужики, а пейзажи, как у Жорж Занд, но изображены бледно и вяло, приторно и безжизненно. Могучий талант Тургенева не всегда по плечу детям — его отзвывы на злобу дня, конечно, непонятны им, но в «Муму» его гуманность и почти пушкинская простота так увлекают ребенка, что это всегда одна из любимых детских книг, и немало чистых слез пролито над нею, слез драгоценных потому, что в них лежит залог будущего уважения к человеку, к человеческой личности, к человеческому достоинству. Остальные из названных нами выше произведений Тургенева нравятся интересной завязкой, удивительно талантливым рассказом. Впрочем, важная сторона Тургеневского дара — описания, где он может посоперничать с любым пейзажистом, пропадает для детей при самостоятельном чтении, и «Записки Охотника» раскрываются ими всего чаще не по собственному желанию. Нельзя сказать, чтоб они не могли оценить красот тургеневского пейзажа, но для этого своего рода картинного музея им нужен руководитель. Воспользовавшись его умелыми указаниями, они, пожалуй, вторичную прогулку по музею предпримут сами. Историческая роль «Записок охотника» (а это чрезвычайно важно) тоже ускользнет от них, и опять-таки и тут потребуются комментарии.

О «Детстве и Отрочестве» Толстого, мнения разделяются: одни педагоги говорят, что эта книга нравится всем детям безусловно, другие же, горячо доказывают, что эта книга должна быть чуть не настольной для взрослых людей, интересующихся делом воспитания, но детей она занять не может: она знакомит нас с психическим миром даровитого ребенка, обнаруживает в авторе гениального наблюдателя и знатока детской души, но тонкости душевного анализа, которыми блещет эта мастерская автобиография, не могут занять детей. В последнем замечании и есть большая доля правды, и потому это произведение Льва Толстого принадлежит к тем, которые должны читаться не иначе, как с учительскими пояснениями и пропусками. Также должны читаться и сочинения С. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Если они сами попадут в руки ученика, он беспощадно бросит их, найдя чрезмерно скучными бесконечные переезды Сережи с места на место, то в карете, то в бричке; но сократите при чтении эти рассказы, выбросьте некоторые эпизоды, свяжите целое общей нитью, и ребенок с живым интересом будет слушать вас. Итак, обе эти автобиографии непонятны без руководства со стороны учителя и некоторых сокращений: «Детство и Отрочество» требует их

в силу глубины содержания, которая детям еще не доступна (оно дает много материала для сочинений на педагогические темы, чем и пользуются в учительских семинариях), а сочинения Аксакова из-за некоторых их недостатков, длиннот и повторений.

Но среди классических сочинений важное место занимают стихотворения. Любят ли дети читать их сами? Скорее, нет. Любя факты, эпос, они нередко тяготеют стихотворной формой, найдя, что она им мешает усваивать содержание прочитанного. Нечего уж и говорить о пьесах чисто лирических. Дети прямо скользят по ним, забывая и смешивая одно с другим: нюансов, оттенков они схватить не могут. Разумеется, мы говорим здесь о детях со средними или даже слабыми способностями; что же касается детей даровитых, то они любят и самостоятельно прочитывать целые сборники стихотворений, и если даже содержание их не вполне усваивается ими, то музыка стиха благотворно действует на развитие эстетического чувства. Но опять-таки желательно, чтоб увлечение стихами не переходило границ: редко кто из молодых читателей под влиянием прочитанных стихов, не захочет сам попробовать своих сил в поэзии. Учащие хорошо знают, что в каждом классе находится такой доморощенный поэт, который нередко и представляет свои произведения на суд товарищей и учителя.

В этом кропании стихов есть и своя хорошая сторона: оно побуждает лучше изучать поэтов, взятых за образец. Но зато стихотворцу грозит опасность возмечтать о себе, а из этого ничего хорошего выйти не может. Поэтому учитель, не задевая самолюбия автора-подростка, должен, однако, разобрать его первые опыты, указывая на подражательность, недостатки в версификации и т. д. Если в ученике таится истинный талант, подобная критика заставит его только серьезнее отнестись к слабым попыткам творчества, а те, у которых стихи лишь «пленной мысли раздраженье», перестанут их писать и хорошо сделают.

Мы упомянули об эстетическом значении стихотворений, но не можем не заметить, что составители хрестоматий и стихотворных сборников для детей часто позволяют себе крайне бесцеремонно уродовать стихи лучших наших поэтов: то выпустят в «Медном всаднике» невинную строфу «девичьи лица ярче роз», отчего теряется рифма, то в полной скорби элегии Некрасова «Внимая ужасам войны» вычеркнут целые две строфы:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы,

и этим исказят стихотворение, точно выхватят часть стены из артистически построенного здания. Если бояться непонятных или неподходящих слов, то лучше не давать детям до времени данного стихотворения: это не то, что проза — вырванная строфа, оборванный стих сейчас же портят впечатление, и эстетические цели не могут быть тогда достигнуты, тогда как в прозе пропуски не так, дают себя знать и не замечаются детьми.

Здесь невольно приходится коснуться вопроса о переделках. Следует ли допускать их? Если дело идет о произведениях классических, то ответ может быть только отрицательный. В художественном произведении его форма так неразрывно слита с содержанием, что в этой гармонии и заключена тайна его могучего влияния на читателя. Разружьте эту связь, и впечатление побледнеет. Особенно дикой кажется нам затея пересказывать в форме повести содержание драматических произведений. Помню, мне приходилось в детстве переводить на уроках английского языка «Tales from Shakesppeare²», где каждая из знаменитых трагедий была пересказана на нескольких страничках. Боже мой, что это было за жалкое повествование. Мне до сих пор непонятно, как талантливый и вдумчивый педагог, Острогорский, мог тоже придумать передать «своими словами» трагедии Шекспира, он, который так благоговел перед гением английского драматурга. Подобное странное явление можно объяснять разве своего рода модой на переделки литературных произведений, царившей еще недавно в вашей детской и народной литературе; в то время самого «Короля Лира» предлагали народу в виде полуторакопеечной, уродливо скомпонованной брошюрки, носившей заглавие «Старик Никита и его три дочери».

Переделать гениальное произведение, значит лишить его аромата и красок, от цветущего тела оставить один жалкий скелет. Даже лучшие переделки (вроде «Князя Серебряного» в обработке Свешниковой) не должны допускаться в детские библиотеки. Впрочем, дети и не станут их читать, как только узнают, что им дают «ненастоящее» произведение. Как изуродованы, например, романы Диккенса в переделках Шелгуновой; недаром дети не читают их вовсе, даже и в том случае, когда не знают о существовании «настоящих»: зерно выброшено, осталась одна мякина, и фальшь чувствуется; да и трудно из многотомного романа, принадлежащего перу гениального романиста, сделать интересную небольшую повестку так, чтоб огромные пропуски прошли незаметно. Такая операция дозволительна лишь в том случае, если ей подвергают-

ся произведения писателей даровитых, но не перворазрядных, так как тогда нам не приходится так дорожить каждым словом, каждым художественным оборотом; поэтому нам нисколько не жаль видеть в такой переделке романы Сенкевича, «Пугачевцев» Салыса³ и т. д. — напротив, мы поблагодарим тех, кто потрудились над этим нелегким делом и познакомил детей с хорошей вещью. Если позже они к ней не вернуться в ее целом, так беда не велика, главное сделано, а штудировать подробно такие романы, как «Спартак» Дживаниолли⁴ или «Савонарола» Маутнера все равно не придется.

Итак, высказав наш взгляд на литературные переделки, напомним сказанное выше, что гениальное произведение и в целом виде не принесет вреда, если же есть основание бояться несколько рискованных мест, то можно предлагать детям очищенные издания классиков с пропусками, по возможности незначительными, наименее нарушающими гармонию прекрасного целого⁵.

Напомним читателям положение, поставленное нами в начале статьи: и здесь надобно *сообразоваться с индивидуальностью учащегося*. Я встречала 14–15-летних девочек, которые, читая «Войну и мир», заинтересовывались преимущественно исторической стороной романа, его основным фоном, тогда как их сверстницы только и интересовались отношением Наташи к Курагину и ее неудачной попыткой бегства с ним, а целые главы с историческими сценами преспокойно опускали.

Поделившись с читателями нашими наблюдениями над детским чтением, мы не хотели бы, чтоб нас заподозрили в стремлении лишить детей всякой самостоятельности в данном вопросе и долго водить их на помочах в этой области. Напротив того, высоко ценя развитие самостоятельности в детях, тесно связанное с развитием воли, мы совсем не посягаем на это важное свойство, но желаем лишь воспользоваться чтением, как могучим педагогическим орудием и также воспитать вкус и способность к разумному самостоятельному выбору. Разумеется, надо иметь в виду золотое правило одного из семи мудрецов «наблюдай во всем меру» и стараться, чтоб руководство внеклассным чтением не имело навязчивого характера, но, конечно, многое зависит от самой личности руководителя и его педагогического такта; этот такт скажет ему, когда он должен будет предоставить воспитанника его собственными силами. До тех же пор, как уже сказано, руководство необходимо, потому что мы, русские, привыкли читать бессистемно, беспорядочно; лихорадочность и сложность современной жизни ведут к тому, что

мы сводим чтение к перелистыванию модных литературных произведений, чтоб быть в курсе того, о чем говорят всюду. Постараемся уберечь молодое поколение от такого небрежного отношения к книге и разовьем в нем привычку читать вдумчиво, а не кое-как — ведь мы слишком любим делать все как попало, через пень колоду, хотя и платимся нередко за этот грех. Научить читать, как следует, значить дать в руки человеку большую отраду и утешение. «Благодарю вас, что вы мне дали верную подругу — книгу», — пишет одна ученица воскресной школы своей учительнице, — «с ней я забываю свои горести» (см. статью Вахтерова «О внеклассном чтении учащихся». Образование, янв. 1897 г.).

Мы не будем повторять всего сказанного уже нами о влиянии чтения на человеческую душу, заметим только, что если бы оно ограничилось даже и этой ролью утешителя, то уже для этого стоило бы заняться его культивированием.

Примечания

¹ Жорж Санд (ред.)

² William Shakespeare (ред.)

³ Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (ред.)

⁴ Рафаэлло Джованьоли (ред.)

⁵ Нам казалось, что мода на переделки прошла, но оказывается, что недавно вышел «Отелло» в переделке для юношества известного московского профессора Ив. Иванова... затея странная.